

Фромм Эрих. Революционный характер filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Фромм Эрих. Революционный характер.

Доклад на 7-ом Межамериканском Психологическом Конгрессе.

«Революционный характер» – политико-психологическое понятие. В этом отношении оно подобно понятию авторитарного характера, введенного в психологию около тридцати лет назад. Последнее возникло из сопоставления политической категории – авторитарной структуры в государстве и семье – с психологической категорией, структурой характера, образующей основу такой политической и общественной структуры.

Понятие авторитарного характера обязано своим происхождением некоторой политической заинтересованности. В Германии, около 1930 года, мы хотели оценить, каковы шансы, что большинство населения нанесет поражение Гитлеру. [Это исследование проводилось под моим руководством; в нем участвовал ряд сотрудников, в том числе д-р Э. Шахтель. Д-р П. Лазарсфельд исполнял обязанности советника по статистике в Институте Социальных Исследований Франкфуртского университета, возглавлявшегося в то время д-ром М. Хоркхаймером] В 1930 году большинство населения Германии, в особенности рабочие и служащие, были против нацизма. Они были на стороне демократии, как это видно было из политических и профсоюзных выборов. Вопрос состоял, однако, в том, станут ли они бороться за свои идеи, если дело дойдет до борьбы. У нас была предпосылка, что одно дело – иметь мнение, другое дело – иметь убеждение. Иными словами, каждый может приобрести мнение, точно так же, как каждый может выучить иностранный язык или иностранный бычай; но лишь те мнения, которые укоренены в структуре характера личности, которые поддерживаются в заключенной в его характере энергией – становятся убеждениями. Хотя идеи, провозглашенные большинством, и принимаются без труда, воздействие этих идей в значительной степени зависит от структуры характера личности, оказавшейся в критическом положении. Как сказал Гераклит и как доказал Фрейд, характер – это судьба человека. Структура характера определяет, какого рода идеи избирает человек и насколько сильны в нем эти идеи. Важное значение фрейдовой концепции характера состоит именно в том, что она выходит за рамки традиционной концепции поведения, рассматривая поведение с его динамической нагрузкой: человек не просто думает определенным образом, но самая мысль его коренится в его склонностях и эмоциях.

Мы задали себе в то время следующий вопрос: В какой степени немецкие рабочие и служащие обладают структурой характера, противостоящей авторитарной идее нацизма? Отсюда вытекал дальнейший вопрос: В какой степени немецкие рабочие и служащие встанут на борьбу с нацизмом в решающий час? Исследование привело, грубо говоря, к тому результату, что десять процентов немецких рабочих и служащих имело так называемую авторитарную структуру характера; около пятнадцати процентов имело демократическую структуру характера; у подавляющего же большинства людей – около семидесяти пяти процентов – структура характера представляла смесь этих крайних форм. [Метод работы состоял в изучении индивидуальных ответов на анкету с необъявленной целью; интерпретировалось ненамеренное, бессознательное значение этих ответов, в отличие от их явного текста. Предлагался, например, вопрос: «Какие исторические личности вызывают у Вас наибольшее восхищение?» Если ответ гласил: «Александр Македонский, Цезарь, Наполеон, Маркс и Ленин», мы интерпретировали его как авторитарный, поскольку это сочетание свидетельствует о восхищении диктаторами и военными предводителями. С другой стороны, ответ «Сократ, Пастер, Карл Маркс и Ленин» рассматривался как демократический, поскольку восхищение относилось к благодетелям человечества, а не к носителям власти] Теоретическое предположение состояло в том, что авторитарные лица окажутся страстными нацистами, «демократические» – воинствующими антифашистами, а большинство – ни тем, ни другим. Как показали события 1933 – 1945 годов, это теоретическое предположение оказалось более или менее правильным. [Позже этот предмет был рассмотрен, более утонченно с методической стороны, чем в первоначальном исследовании, в работе Т.В. Адорно и др. «Авторитарная личность». (T.W. Adorno oth., The Authoritarian Personality, New-York, Harper a. Row Rebls., 1950)] Для нашей нынешней цели достаточно сказать, что авторитарная структура характера – это структура характера человека, у которого чувство силы и самоутверждения основано на симбиотическом подчинении власти, и в то же время на симбиотическом доминировании над подчиненными его власти. Иными словами, авторитарный характер чувствует себя сильным, если он может повиноваться и стать частицей некоторой власти, раздутой и обожествленной (при некоторой поддержке объективных фактов), и в

Фромм Эрих. Революционный характер filosoff.org
то же время сам раздуться, вбирая в себя повинующихся его собственной власти. Именно этот садомазохистский симбиоз дает ему ощущение силы и самоутверждение. Будучи частицей большого (чем бы оно ни было), он и сам становится большим; оказавшись наедине с самим собой, он обращается в ничто. Как раз по этой причине угроза авторитету, угроза его авторитарной структуре воспринимается авторитарным характером как угроза, направленная против него самого – угроза его психическому здоровью. И он вынужден бороться против угрозы авторитаризму, как боролся бы против угрозы собственной жизни и психическому здоровью.

Обращаясь теперь к понятию революционного характера, я хотел бы начать с того, чем, по моему убеждению, не является революционный характер. Вполне очевидно, что революционный характер нельзя отождествлять с лицом, участвующим в революции. Как раз здесь и заложено различие между поведением и характером. Если понимать характер в динамическом смысле Фрейда, участвовать в революции может кто угодно, независимо от того, что он при этом чувствует – лишь бы он действовал в пользу революции. Но тот факт, что он действует как революционер, мало говорит нам о его характере.

Несколько сложнее объяснить второе, чем не является революционный характер. Революционный характер – это не мятежник. Что я хочу этим сказать? [Я имел случай коснуться этого подробнее в моей более ранней работе «Бегство от свободы» (Escape from Freedom, New-York, Holt, Rinehart & Winston, 1941)] я определил бы мятежника как человека, глубоко обиженного на власть за то, что его не ценят, не любят, не приемлют. Мятежник – тот, кто хочет свергнуть власть именно вследствие этой обиды и, в результате, хочет сам сделаться властью вместо свергнутой. И очень часто в самый момент достижения цели он готов породниться с той же властью, против которой так яростно боролся прежде.

Характерный тип мятежника хорошо известен в политической истории XX века. Такова, например, фигура Рамзея Макдональда, начавшего свою карьеру в качестве пацифиста и непротивленца. Когда он достаточно выдвинулся, он покинул лейбористскую партию и присоединился к той самой власти, с которой сражался столько лет; в самый день своего вступления в национальное правительство он сказал своему другу и прежнему соратнику Сноудону: «Сегодня каждая герцогиня в Лондоне будет рада расцеловать меня в обе щеки». Здесь перед нами классический тип мятежника, использующего мятеж для того, чтобы войти в число власть имущих.

Иногда для достижения этого требуются долгие годы; в других случаях это удается скорее. Примером может послужить, во Франции, злополучный Лаваль, также начинавший мятежником; как мы помним, он сумел в очень короткое время приобрести достаточный политический капитал, чтобы пустить себя в продажу. Я мог бы назвать многих других – психологический механизм во всех случаях один и тот же. Политическую жизнь XX века можно сравнить с кладбищем, усеянным моральными могилами таких деятелей, начинавших под видом революционеров и оказавшихся, в конечном счете, всего лишь мятежниками-оппортунистами.

Кроме понятия «мятежник» есть еще более сложное понятие, чем революционный характер также не является: он не является фанатиком. В смысле поведения революционеры часто бывают фанатиками, и в этом случае различие между политическим поведением и структурой характера проявляется особенно отчетливо – во всяком случае, так я рассматриваю характер революционера. Кого я называю фанатиком? Я не называю этим словом человека, имеющего убеждения. (Можно заметить, что в наше время стало общепринятым называть «фанатиком» каждого, кто имеет убеждения; тот же, у кого убеждений нет или убеждения которых достаточно растяжимы, именуется «реалистами»).

Я думаю, что фанатика можно описать клинически как крайне нарцисстическую личность, близкую к психозу (депрессии, часто смешанной с параноидальными отклонениями); как и всякая психотическая личность, такая личность полностью замкнута по отношению к внешнему миру. Но фанатик находит для себя решение, спасающее его от явного психоза. Он избирает себе дело – все равно какое, политическое, религиозное или иное – и обожествляет это дело. Он превращает это дело в своего идола. Полное подчинение этому идолу наполняет его жизнь страстью, придает ей значение, потому что в своем подчинении он отождествляет себя с идолом, раздувая его и превращая в абсолют.

Если бы потребовался символ для фанатика, то лучше всего подошел бы горящий

Фромм Эрих. Революционный характер filosoff.org
лед. Это человек одновременно страстный и крайне холодный. Он в высшей степени замкнут по отношению к внешнему миру и в то же время наполнен жгучей страстью – страстью причастности и подчинения Абсолюту. Чтобы распознать характер фанатика, надо не столько прислушиваться к тому, что он говорит, сколько всмотреться в особенный блеск его глаз, с их холодной страстью, столь парадоксально отличающей фанатика: это крайняя замкнутость, соединенная со страстным поклонением идолу. Фанатик близок к тому, что пророки называли «идолопоклонником». Вряд ли надо напоминать, что фанатик всегда играл важную роль в истории; и очень часто он изображал из себя революционера, поскольку часто говорит он в точности так же, или слова его звучат точно так же, как слова революционера.

Я попытался объяснить, чем, по моему мнению, революционный характер не является. Как я полагаю, концепция характера революционера может быть в наше время столь же важна, как концепция авторитарного характера. В самом деле, мы живем в эпоху революций, начавшуюся около трехсот лет назад с политических революций в Англии, Франции и Америке, продолженную затем социальными революциями в России, Китае и – уже в наши дни – в Латинской Америке. В эту революционную эпоху слово «революционный» стало во многих частях мира особенно привлекательным, в качестве положительной оценки ряда политических движений. А именно, все движения, пользующиеся словом «революционный», претендуют на очень похожие цели: они утверждают, что борются за свободу и независимость. В действительности же некоторые из них ставят себе эти цели, а другие – нет; в то время, как одни из этих движений действительно борются за свободу и независимость, в других случаях революционные лозунги используются за установление авторитарных режимов, но с другой правящей элитой.

Как определить, что такое революция? Можно было бы определить это понятие по словарю, просто как мирное или насильственное свержение существующего правительства и замена его новым правительством. Разумеется, такое чисто формальное политическое определение не особенно содержательно. Можно было бы определить революцию, ближе к марксистскому толкованию, как замену существующего строя другим, исторически более прогрессивным. Но возникает вопрос, что «исторически более прогрессивно»; кому здесь предоставить решение? Обычно этот вопрос решает победитель, по крайней мере в своей собственной стране.

Наконец, можно определить революцию с точки зрения психологии, как политическое движение, руководимое людьми с революционным характером и привлекающее людей с революционным характером. Вряд ли это – определение в собственном смысле слова, но оно полезно в нашем контексте, поскольку подчеркивает важность обсуждаемого здесь вопроса: что такое революционный характер?

Главнейшее свойство революционного характера состоит в том, что он независим – иначе говоря, свободен. Легко понять, что независимость прямо противоположна симбиотической связи с властью имущими сверху и с подвластными снизу, описанной выше как основное свойство авторитарного характера. Но отсюда еще недостаточно ясно, что означают слова «независимость» и «свобода». Трудность состоит как раз в том, что эти слова употребляются в наше время в специфическом смысле, откуда делается вывод, что в демократической системе все люди свободны и независимы. Понятие свободы и независимости выросло на почве революции среднего класса против феодального строя; оно приобрело новую силу благодаря контрасту с тоталитарным режимом. При феодализме и при абсолютной монархии личность не была ни свободной, ни независимой. Она была подчинена правилам и распоряжениям, навязываемым сверху – традиционным или произвольным. Победоносные буржуазные революции в Европе и Америке создали политическую свободу и независимость личности. Эта свобода была «свободой от чего-то» – свободой от политической власти.

Без сомнения, это была важная перемена, хотя индустриальное общество нашего времени и породило новые формы зависимости в виде разросшихся бюрократических механизмов, столь чуждых бизнесмену XIX века, с его безудержной инициативой и независимостью. Однако проблема независимости и свободы гораздо глубже, чем только что описанное специальное понимание этих слов. Более того, проблема независимости, рассматриваемая во всей ее глубине и объеме, оказывается самым фундаментальным аспектом развития человека.

Новорожденный ребенок составляет еще одно целое со своим окружением. Для него внешний мир еще не существует как отдельная от него реальность. Но даже научившись узнавать внешние предметы, ребенок долго еще остается беспомощным и не может выжить без помощи матери и отца. Эта длительная беспомощность человеческого детеныша, по сравнению с животными, составляет основу его развития, но в то же время приучает ребенка опираться на власть – и бояться власти.

Обычно от рождения до половой зрелости эту власть воплощают родители, в ее двояком аспекте: власть помогать и называть. Ко времени половой зрелости молодой человек достигает (во всяком случае, в более простых аграрных обществах) уровня развития, при котором может сам о себе позаботиться, и уже не всецело обязан своим общественным существованием поддержкой родителей. Он может стать экономически независимым от них. Во многих примитивных обществах эта независимость (особенно от матери) выражается обрядами инициации, не затрагивающими, впрочем, зависимости от племени в его мужском аспекте. Другим фактором, стимулирующим процесс эмансипации от родителей, является половое созревание. Половое влечение и половое удовлетворение связывает человека с другими, не принадлежащими семье людьми. Да и сам половой акт представляет собой действие, в котором не могут помочь отец или мать, в котором молодая личность предоставлена самой себе.

Даже в тех обществах, где удовлетворение полового влечения задерживается на пять-десять лет после половой зрелости, пробудившееся половое влечение порождает стремление к независимости и вызывает конфликты с родителями и общественной властью. Нормальный человек достигает такой независимости лишь через много лет после половой зрелости. Бесспорно, однако, этот вид независимости вовсе не означает, что человек становится подлинно свободным и независимым, если даже он сам зарабатывает на жизнь, вступает в брак и производит, в свою очередь, детей. Хотя и взрослый, он все еще в достаточной степени беспомощен; всеми способами он пытается найти силы, которые могли бы дать ему защиту и уверенность. Он платит за их помощь, попадая в зависимость к этим силам, теряя свободу, что замедляет процесс его развития. У этих сил он заимствует свои мысли, чувства, цели и ценности – хотя и живет в иллюзии, будто он сам думает, чувствует и делает выбор.

Полная свобода и независимость существуют лишь в том случае, если индивид думает, чувствует и решает сам за себя. Такая подлинная независимость становится возможной лишь тогда, когда человек достигает продуктивного взаимодействия с внешним миром, в котором может проявлять свои подлинные реакции. Это понимание свободы и независимости мы находим у радикальных мистиков, а также у Маркса. Радикальнейший из христианских мистиков, Майстер Экхарт, говорит: «Что моя жизнь? То, что движимо изнутри, само по себе. То, что движимо извне, не живет». [Проповедь XVII, Майстер Экхарт, введение в изучение его трудов, с антологией его проповедей, составленной Джеймсом А. Кларком (Meister Eckhart, An Introduction to the Study of his Works, with an Anthology of his Sermons, selected by James A. Clark, New-York, Thomas Nelson & Sons, 1957), стр. 235] или в другом месте: «...если человек решает или заимствует что-нибудь извне, это заблуждение. Должно ощущать и рассматривать бога не как внешнее, а как свое собственное и находящееся в самом себе». [Ibid., стр. 189. Весьма сходна с этим позиция дзен-буддизма в вопросе о независимости от бога, Будды и других авторитетов]

Маркс говорит в том же духе, хотя и не в теологических выражениях: «Никто не может считать себя независимым, пока он не хозяин самому себе; а хозяин себе лишь тот, кто обязан своим существованием самому себе. Человек, живущий милостью другого, должен считать себя зависимым. Но я живу лишь по милости другого, если обязан ему не только продолжением моей жизни, но и самим ее созданием, если он является ее источником. Таким образом, моя жизнь неизбежно имеет внешнюю причину, если я не создаю ее сам». [Карл Маркс, Экономические и философские рукописи, переведенные Т.Б. Боттомором, в книге Э. Фромма «Концепция человека у Маркса» (Karl Marx, Economic and Philosophical Manuscripts, translated by T.B. Bottomore, in E. Fromm, Marx's Concept of Man, New-York, Frederik Ungar Publ. Co., Inc., 1961), стр. 138] В другом месте Маркс говорит: «Человек независим лишь в том случае, если он утверждает свою индивидуальность как цельный человек во всех своих отношениях с миром – в зрении, слухе, обонянии, вкусе, осязании, в мышлении, воле и любви, – короче, если он утверждает и выражает всеми органами свою индивидуальность». Независимость и свобода являются, таким

Фромм Эрих. Революционный характер filosoff.org
образом, реализацией личности, а не только ее эмансипацией от принуждения или свободой в коммерческих делах.

Проблема каждого индивида состоит именно в том, какого уровня свободы он достиг. Вполне пробудившийся, продуктивный человек – это и есть свободный человек, потому что он способен к подлинной жизни; источник этой жизни – его собственное Я. (Конечно, это вовсе не значит, что независимый человек есть изолированный человек; личность растет только в процессе связи и заинтересованности в других и во внешнем мире. Но эта связь совершенно отлична от зависимости). В то время как Маркс, исходя из проблемы независимости и самореализации, пришел к своей критике буржуазного общества, Фрейд рассматривал ту же проблему в рамках своей теории, в терминах эдипова комплекса.

Фрейд, видя путь к психическому здоровью в преодолении инцестуозной фиксации по отношению к матери, утверждал, что психическое здоровье и зрелость основываются на эмансипации и независимости. С его точки зрения, этот процесс начинается страхом кастрации со стороны отца, завершается же внедрением приказаний и запретов отца в собственном Я (суперэго). Таким образом, независимость остается лишь частичной (освобождение от матери); зависимость же от отца и общественной власти сохраняется при посредстве суперэго.

Революционный характер присущ тому, кто отождествляет себя с человечеством и поэтому переходит узкие границы своего собственного общества, кто способен поэтому критически рассматривать свое или другое общество с точки зрения разума и человечности. Он не скован провинциальным преклонением перед культурой, в которой ему довелось родиться, считая ее лишь случайностью времени и географии. Он способен смотреть на свое окружение открытыми глазами пробудившегося человека, находящего критерии для суждения о случайном в том, что не случайно (разум), в нормах, существующих в человеческом роде и для человечества.

Революционный характер отождествляется с человечеством. Ему присуще также глубокое «благоговение перед жизнью», пользуясь выражением Альберта Швейцера, – глубокое сродство с жизнью и любовь к жизни. Конечно, все мы, подобно другим животным, цепляемся за жизнь и боремся со смертью. Но цепляться за жизнь – это совсем не то же самое, что любить жизнь. Это становится особенно ясным, если принять во внимание тип личности, влечения которой направлены не к жизни, а к смерти, разрушению и распаду. (Ярким историческим примером этого является Гитлер). Такой тип характера можно назвать некрофильным; мы пользуемся здесь выражением Унамуно из его известного ответа в 1936 году франкистскому генералу, избравшему своим девизом «Да здравствует смерть».

Влечение человека к смерти и разрушению может быть бессознательным, но обнаруживается по его поступкам. Задушить, раздавить, погубить жизнь доставляет ему такое же удовольствие, какое находит любящий жизнь, помогая жизни расти, расширяться и развиваться. Некрофилия есть подлинное извращение, цель которого состоит в уничтожении всего живого.

Революционный характер мыслит и чувствует в «критическом настроении» – пользуясь музыкальным выражением, в критическом ключе. Важной частью его реакции на мир является латинский девиз “*Omnia dubitare est*” (надлежит сомневаться во всем). Критическое настроение, о котором идет речь, ни в коем случае не надо представлять себе чем-то вроде цинизма; это подлинное видение действительности, в противоположность фикциям, изготовляемым взамен действительности. [Ср. более подробное обсуждение этого вопроса в книге Э. Фромма «Вне цепей иллюзии» (E. Fromm, *Beyond the Chains of Illusion*, New-York, Simon and Shuster, Inc., 1962)]

Нереволюционный характер особенно склонен верить тому, что провозглашается большинством. Человек же, настроенный критически, реагирует прямо противоположным образом. Он занимает особенно критическую позицию, когда слышит суждение большинства – глас рыночной площади, суд власть имущих. И если бы встречалось больше истинных христиан среди людей, предъявляющих на это претензии, такая позиция была бы для них вполне естественной, потому что именно этот критический подход к принятым стандартам был подходом Иисуса. То же критическое настроение было у Сократа. Оно было настроением пророков и многих людей, перед которыми мы, так или иначе, преклоняемся. Их можно безопасно восхвалять лишь тогда когда они давно мертвы – достаточно давно и

Фромм Эрих. Революционный характер filosoff.org
надежно мертвы.

«Критическое настроение» делает человека чувствительным ко всяким штампам, имеющим хождение под именем «здравого смысла», того здравого смысла, который повторяет без конца одну и ту же нелепость, смысл которой лишь в том, что ее повторяют все. Может быть, это критическое настроение, о котором я говорю, с трудом поддается определению; но путем экспериментов над собой и другими людьми очень легко обнаружить, у кого есть такое критическое настроение и у кого нет.

Например, много миллионов людей верит, что гонка атомных вооружений может послужить делу мира. Но это противоречит всему опыту прошлого. Множество людей верит, что при звуке сирен они смогут спастись в убежищах – поскольку в крупнейших городах Соединенных Штатов убежища, в самом деле, построены. Они знают, впрочем, что на это у них будет не больше пятнадцати минут. Не надо быть особенным пессимистом, чтобы предвидеть, что за эти пятнадцать минут Вас задавят насмерть при попытке достигнуть убежища. И все же, по-видимому, миллионы людей способны верить, что наши прославленные подземные убежища спасут их от бомб в 50 и 100 мегатонн. Почему же? Потому что им чуждо критическое настроение. Если рассказать ту же историю пятилетнему мальчику, он, наверное, усомнится (дети этого возраста обычно занимают более критическую позицию, чем взрослые). Взрослые, в своем большинстве, слишком «воспитаны», чтобы настраиваться критически, и потому принимают нечто совершенно бессмысленное в качестве «разумных» идей.

Сверх критического настроения, революционному характеру свойственно особое отношение к власти. Он не мечтатель, не ведающий, что власть может убить Вас, принудить к повиновению и даже извратить Вашу личность. Его отношение к власти особенное, но в другом смысле. Он никогда не придает власти священного значения; никогда власть не заменяет ему правду, мораль и добро. В этом одна из важнейших, если не самая важная проблема наших дней: именно в отношении людей к власти. Дело не сводится к пониманию сущности власти. Дело также не в том, что недостает реализма, недооцениваются функции и мораль власти. Вопрос состоит в том, освящается власть или нет; находится ли человек под моральным давлением власти. Кто морально подавлен властью, тот никогда не настроен критически, у того не может быть революционного характера.

Революционный характер способен сказать «нет». Иначе говоря, революционный характер – это человек, способный к неповиновению. Для такого человека неповиновение может быть добродетелью. Чтобы разъяснить это, начну с несколько парадоксального утверждения: История человека началась с акта неповиновения и может кончиться актом повиновения. Что я хочу этим сказать? Говоря, что история человека началась с акта неповиновения, я имею в виду еврейскую и греческую мифологию. История Адама и Евы состояла в том, что бог запретил им вкушать некий плод, а человек – если уж честно говорить, женщина – оказалась способной сказать «Нет». Она оказалась способной не повиноваться, и даже убедила мужчину разделить ее неповиновение. К чему же это привело? Согласно мифу, человек был изгнан из рая – иначе говоря, из до-личного, до-сознательного, доисторического, если угодно, до-человеческого состояния, которое можно сравнить с состоянием зародыша в материнской утробе. Изгнанный, таким образом, из рая, человек должен был вступить на путь истории.

На языке мифа, ему недозволено вернуться в рай. Но, в действительности, он вернуться не может. Потому что с того момента, когда в человеке пробудилось самосознание, с того момента, когда он ощутил себя чем-то отдельным от людей и от природы, человек не в состоянии вернуться к первобытной гармонии, предшествовавшей его пробуждению. Этим первым актом неповиновения начинается история человека, и этот первый акт неповиновения есть первый акт свободы.

У греков был другой символ – символ Прометей. Прометей, укравший у богов огонь, совершает этот преступный акт неповиновения; и когда он приносит огонь людям, начинается человеческая история – или человеческая цивилизация.

И евреи, и греки учат нас, что дерзание человека и история человечества начались с акта неповиновения.

Что же я хочу сказать, говоря, что история человека может закончиться актом

Фромм Эрих. Революционный характер filosoff.org
повиновения? К несчастью, здесь речь идет не о мифологии, а о вполне реальных вещах. Если через два-три года атомная война уничтожит половину населения Земли, что приведет к периоду полного варварства – или если это случится через десять лет, что может привести к полной гибели всей жизни на этой планете, – то это произойдет в результате акта повиновения. Повиновение людей, которые нажмут на кнопку, другим людям, которые отдадут приказ; повиновение идеям, допускающим столь безумный ход мыслей.

Неповиновение есть диалектическое понятие; в самом деле, каждый акт неповиновения есть акт повиновения; и наоборот, каждый акт повиновения есть акт неповиновения. Что это значит? Это значит, что каждый акт неповиновения, если только он не сводится к бессмысленному мятежу, есть акт повиновения некоторому другому принципу. Я не повинуюсь идолу, потому что повинуюсь богу. Я не повинуюсь кесарю, потому что повинуюсь богу; или, если Вы предпочитаете нетеологический язык, потому что я повинуюсь принципам и ценностям, моей совести. Я могу не повиноваться государству, потому что повинуюсь законам человечности. Если же я повинуюсь, то тем самым я не повинуюсь чему-то другому. Дело в действительности не в том, повинуюсь я или нет, а в том, чему и кому я повинуюсь или не повинуюсь.

Из сказанного ясно, что революционный характер, в том смысле, как я употребляю этот термин, не обязательно означает тип характера, встречающийся только в политике. Он существует в политике, но также и в религии, и в искусстве, и в философии. Будда, пророки, Иисус, Джордано Бруно, Майстер Экхарт, Галилей, Маркс и Энгельс, Эйнштейн, Швейцер, Рассел – все это революционные характеры. Вы найдете революционный характер и в людях, занимающихся другими видами деятельности; вы найдете его в каждом человеке, который следует правилу: Пусть твое «да» будет «да», и пусть твое «нет» будет «нет». Это – каждый, кто способен видеть реальность, как мальчик из сказки Ханса Кристиана Андерсена «Новое платье короля». Мальчик увидел, что король гол, и сказал, что он увидел. Девятнадцатое столетие, может быть, позволяло легче выработать неповиновение, так как оно было временем неприкрытой власти в семейной жизни и в государстве; тем самым, в нем было место для революционного характера. Двадцатый век – совсем другого типа. Это век современных индустриальных систем, каждая из которых создает человека, принадлежащего организации; век разросшихся бюрократий, каждая из которых требует безотказного функционирования своих подчиненных. Но достигается это не силой, а манипулированием. Руководители этих бюрократий утверждают, будто их приказам подчиняются добровольно, и пытаются всех нас убедить, подкрепляя эти убеждения материальными посулами, будто мы сами охотно делаем то, что от нас требуется. Человек, принадлежащий организации, не может не повиноваться; он даже не знает, что повинуется. Как может он подумать о повиновении, если даже не сознает факта своего повиновения? Он просто на просто один из «парней», один из толпы. Он «надежен». Он думает и поступает «благоразумно» – даже если это убивает его, его детей и внуков. Поэтому в наше бюрократическое индустриальное время человеку гораздо труднее не повиноваться, то есть развить в себе революционный характер, чем это было в девятнадцатом веке.

Мы живем в эпоху, когда логика бюджета, логика производства вещей распространилась на самую жизнь человека. Человеческие существа, как и вещи, обратились в числа. Вещи и люди стали величинами, входящими в производственный процесс.

Повторяю: Очень трудно не повиноваться, пока человек не осознаёт даже, что он повинуется. Иными словами: Кто может не повиноваться электронному компьютеру? Как можно сказать «Нет» тому виду философии, идеал которого – действовать подобно электронному компьютеру, без воли, без чувства, без страсти?

В наше время повиновение не признается повиновением, а рационализируется как «здравый смысл», как простое согласие с объективной необходимостью. Если необходимо соорудить – и на Востоке, и на Западе – фантастически разрушительное оружие, кто откажется повиноваться? Кому придет в голову сказать «Нет», если все это изображается не в виде акта человеческой воли, а в качестве акта объективной необходимости?

В современном положении важен еще один аспект. В этой индустриальной системе, принимающей, как я полагаю, и на Западе, и в советском блоке все более похожий вид, человек смертельно запуган могуществом больших бюрократий, большими размерами всего – государства, промышленной

Фромм Эрих. Революционный характер filosoff.org
бюрократии, профсоюзной бюрократии. Он не просто запуган. Он чувствует себя ничтожно малым. Кто же тот Давид, что скажет Голиафу «Нет»? Кто тот маленький человек, который скажет «Нет» всему этому в тысячу раз большему и сильнейшему, чем власть каких-нибудь пятьдесят или сто лет назад? Человек становится робким, он рад принять руководство власти. Он повинуется приказам, отдаваемым во имя здравого смысла и разума, чтобы он не чувствовал своего подчинения.

Резюмирую: под «революционным характером» я понимаю не концепцию поведения, а динамическую концепцию. В этом смысле, относящемся к характеру, человек не становится «революционером» оттого, что произносит революционные фразы или участвует в революции. Революционер в этом смысле – это человек, освободивший себя от уз крови и почвы, от матери и отца, от всех специальных видов лояльности – государству, классу, расе, партии, религии. Революционный характер – это гуманист в том смысле, что он ощущает в себе все человечество, и ничто человеческое ему не чуждо. Он любит и уважает жизнь. Он скептик – и верующий.

Он скептик, потому что подозревает в каждой идеологии прикрытие неприемлемой реальности. Он верующий, потому что верит в потенциально существующее, хотя оно еще не родилось. Он может сказать «Нет» и не повиноваться – по той же причине, по какой может сказать «Да» и повиноваться тем принципам, которые подлинно его собственные принципы. Он не дремлет, он вполне пробудился перед личными и общественными реальностями вокруг него. Он независим; тем, что он есть, он обязан самому себе; он свободен и никому не служит.

Из этого резюме можно было бы вывести заключение, что я описываю вовсе не концепцию революционного характера, а просто психическое здоровье и благополучие. В самом деле, описывается активный психически здоровый, самостоятельный человек. Так вот, я утверждаю, что здоровый человек в безумном мире, вполне развитый человек в искаленном мире, вполне пробудившийся человек в дремлющем мире – это и есть революционный характер. И если когда-нибудь проснутся все, то не будет больше ни пророков, ни революционных характеров – будут только вполне развитые люди.

Конечно, большинство людей никогда не имело революционного характера. Но если мы не живем больше в пещерах, то именно благодаря революционным характерам; в истории человечества их всегда появлялось достаточно, чтобы вытащить нас из пещер и других подобных ситуаций. Является и много других, претендующих на звание революционера, а в действительности мятежников, деятелей авторитарного типа или политических оппортунистов. Я думаю, что перед психологами стоит важная задача – изучить различия в характере, стоящие за этими разными типами идеологов. Но для этого, как я подозреваю, они и сами должны обладать некоторыми качествами, описанными в данном очерке: они сами должны обладать революционным характером.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!